

В. В. Мещеряков

К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ ИЗУЧЕННОСТИ ФЕНОМЕНА ДРУЖИННОЙ ВЕРНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

*Работа представлена кафедрой отечественной истории и документоведения
Курганского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. В. Мещеряков

Статья содержит характеристику основных мнений историков по вопросам, связанным с дружинной организацией. Основным критерий настоящего историографического обзора – это рассмотрение тем или иным исследователем принципов дружинной верности, которые связывали членов данной организации как по вертикали, так и по горизонтали.

Ключевые слова: феномен дружинной верности, отечественная историография, культурный код, нравственные и сакральные связи, перспективы исследований.

V. Meshcheryakov

ON THE EXTENT OF EXAMINATION OF THE BODYGUARDS' LOYALTY PHENOMENON IN THE RUSSIAN HISTORY

The article deals with the description of the historians' principal opinions on the aspects connected with bodyguard organisation. The main criterion of the present historiographic review is the investigation of the principles of bodyguard's loyalty, which connected members of this organisation according to the vertical and horizontal lines

Key words: phenomenon of bodyguards' loyalty, national historiography, cultural code, moral and sacral ties, investigations' perspectives.

Проблема института древнерусской дружины по-прежнему остается актуальной в современной российской исторической науке. Од-

нако следует отметить, что основной акцент в изучении данного исторического феномена делается не на экономические основы взаи-

моотношений между представителями древнерусской военной знати, а, скорее, на морально-этические, культурные и сакральные связи. Пересмотр отношений древнерусских дружинников в указанной плоскости обусловлен в первую очередь невозможностью объяснить принципы их объединения лишь с позиции хозяйственных, экономических и поземельных отношений. Схожие тенденции можно проследить и применительно к истории Древней Руси вообще. В подтверждение данного тезиса можно привести реплику И. Н. Данилевского, высказанную им в беседе с корреспондентом журнала «Родина», посвященной новым тенденциям в изучении истории Древней Руси: «...лет тридцать назад казалось, что еще немного и историей этого периода можно уже не заниматься — все написано. В действительности же перед нами бездна непознанного. Правда, надеяться на то, что в распоряжении историков окажется принципиально новый фактический материал, почти не приходится: основная часть источников исторической информации о Древней Руси исчерпана. Однако главное — это понимание логики поступков людей прошлого. И здесь еще все впереди» [2, с. 31].

Таким образом, представляется любопытным, охарактеризовать основные мнения историков по вопросам, связанным с дружинной организацией, и выделить пробелы и перспективные направления в изучении этого исторического феномена. Очевидно, что в рамках статьи невозможно охватить точки зрения всех крупных историков, имеющих прямое или опосредованное отношение к проблеме древнерусской дружины, поэтому основным критерием настоящего историографического обзора следует считать рассмотрение тем или иным исследователем принципов дружинной верности, которые связывали членов данной организации как по вертикали (отношение дружинников с князем), так и по горизонтали (отношения дружинников между собой и представителями других слоев древнерусского общества).

Одной из первых работ, комплексно характеризующих древнерусскую дружинную организацию, была книга Н. П. Павлова-Сильван-

ского «Феодализм в России». Основной задачей этой книги было раскрытие генезиса феодализма на Руси и проведение четких аналогий между данными процессами в Западной Европе и древнерусском государстве. Естественно, что автор не мог не рассмотреть принципы существования древнерусской дружинной организации как основной движущей силы процесса феодализации.

Что же касается принципов объединения дружинников, то здесь Павлов-Сильванский, особо подчеркивая общеевропейский характер дружинной организации, пишет: «В Киевской Руси так же, как у франков, лангобардов, англосаксов или норманнов, княжеская дружина представляет собою вольное военное товарищество. Дружинники-воины не холопы, не подданные и не наемники; это свободные люди, клятвенно обязавшиеся верно служить своему вождю-господину на поле брани» [3, с. 425]. Любопытно, что, характеризуя взаимоотношения дружинников, Павлов-Сильванский отмечает: «Нравственная связь (здесь автор ссылается на тезисы, подчерпнутые из древнерусских источников: “сребром и золотом не имам налезти дружины” (летопись); “мужей золотом не добыти” (Даниил Заточник). — В. М.), отвлеченная принадлежность дружинника к дому князя поддерживается в древнейшее время реальной близостью к княжескому дому, сожителем дружинников с князем. На войне дружинники близко сопутствуют князю, составляя как бы его телохранительный отряд. В мирное время большая часть их живут во дворе князя» [3, с. 426]. Далее автор, ссылаясь на Бруннера, пишет: «В принадлежности к домашнему товариществу (Hausgenossenschaft) князя Бруннер видит отличительный признак дружинников: они “едят, пируют и спят в палатах господина”» [3, с. 426]. Проводя параллели с западноевропейским историческим материалом, Павлов-Сильванский следующим образом характеризует дальнейшие метаморфозы, происходящие с дружинной организацией в связи с генезисом феодальных отношений: «Сожительство дружины с князем весьма рано начинает разрушаться. В меровингское время многие дружинники,

сохраняя принадлежность к княжескому дому, мундиуму (огнищу), живут уже в отдалении от князя на пожалованной им земле или во вверенном их управлению округе. В Киевской Руси мы также видим многих дружинников, управляющих городами в качестве посадников, в отдалении от князя, или живущих в своих боярских селах. У нас совершенно так же, как на Западе, с течением времени дружина все больше отделяется от князя, приобретая земельную оседлость. Но близость сохраняется в приездах к княжескому двору: раньше жили вместе, теперь съезжаются.

Несмотря на большую близость к князю, на тесную нравственную связь верности, дружинники пользуются большой самостоятельностью в своих отношениях к нему. Князь — их вождь, но не господин и не государь. Вольные верные мужи, они верны ему, они следуют за ним только до тех пор, пока одобряют его действия» [3, с. 426]. Таким образом, можно однозначно поставить в заслугу Павлова-Сильванского положения о том, что истоки специфических взаимоотношений дружинной знати, в частности принципы их объединения, следует рассматривать в нравственно-этическом аспекте. Между тем Павлов-Сильванский зачастую упрощает и нивелирует параллели между Западной Европой и Русью в стремлении показать единообразие путей становления и развития феодальных отношений в упомянутых регионах, за что, как нам кажется, его вполне справедливо критикует в своей работе, посвященной сравнению древнерусской и германской дружины, П.С. Стефанович [6, с. 220].

Что касается советской исторической науки, то здесь уместно будет привести мнение И. Я. Фроянова по данному вопросу. Это обусловлено во многом уникальностью взглядов ученого, его «оппозиционного» положения относительно основного массива советского исторического знания и весьма глубокой проработкой вопросов, связанных с особенностями возникновения и функционирования древнерусской дружинной организации. В одной из своих основополагающих работ, «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории», Фроянов пишет: «Разработанные нами

материалы свидетельствуют о наличии на Руси XI–XII вв. дружинных отношений. Конечно, дружина к этому времени утратила былую первозданность, оказавшись во власти разрушительных процессов. С расколом дружины на старшую и младшую все явственнее стали проявляться симптомы ее распада. Особенно ощутимы они становятся с конца XII в.» [11, с. 76]. Характерно, что автор обращает особое внимание на процесс так называемого «оседания» дружины на землю, говоря о том, что «более осторожной интерпретации требует и обзаведение дружинников землей, наблюдаемое на Руси второй половины XI–XII вв. Оно, во всяком случае, не свидетельствует о полном разложении дружины (что характерно, здесь автор ссылается на труды Павлова-Сильванского, тем самым, демонстрируя определенную преемственность во взглядах. — В. М.). Следовательно, дружина, а лучше сказать часть дружины, хотя и садится на землю, но близость ее к князю остается» [11, с. 70], а «появление у дружинников земельной собственности отнюдь не означало полного крушения дружины. <...> Таким образом, мы наблюдаем постепенное (через промежуточные формы) превращение дружины в класс землевладельцев-феодалов» [11, с. 71].

Что касается характеристики дружинных связей, то здесь Фроянов отмечает, что «по источникам XI–XII вв. прослеживается бытовая близость князя и дружины. Она выражается не только в том, что дружинники постоянно с ним, как alter ego, но и в повседневных застольях... Пир князя с дружиной относится к числу заурядных летописных сцен. В княжеских “пированьях” преломлялась, по нашему мнению, еще одна грань общности князя с дружиной, лежащая в хозяйственной плоскости их отношений, которая характеризовалась, помимо всего прочего, единением по хлебу. Это единение мало-помалу отходило в прошлое. И в XI–XII вв. оно сохраняется в качестве остаточного явления, причем в урезанном виде» [11, с. 74]. Пожалуй, наиболее интересным наблюдением автора, касающимся характеристики отношений, связывающих дружинников, можно считать следующее: «Исследова-

тели обнаруживают своеобразие ценностных ориентаций на ранних этапах формирования классов. Имущественный достаток в условиях обозначившегося распада первобытного строя служил зачастую средством продвижения в обществе как родственным объединениям, так и отдельным индивидуумам. На историческом опыте варварских королевств Западной Европы это назначение материальных благ убедительно показал А. Я. Гуревич. Богатство у варваров, подчеркивал он, имело не столько утилитарное свойство, сколько престижное. С его помощью родовая знать поддерживала и расширяла личную власть и авторитет среди соплеменников» [11, с. 138].

Также интересно упоминание Фрояновым исследований Ю. П. Аверкиевой, связанных с феноменом потлача у североамериканских индейцев и его комментарии по поводу возможностей проведения прямых аналогий между этим явлением и «гостеприимством» в Древней Руси, предпринятых в работах В. И. Горемыкиной [11, с. 138–139]. Нет оснований не согласиться с Фрояновым в его критических замечаниях, касающихся того, что Горемыкина не всегда удачно пользуется сравнительно-историческим материалом [11, с. 139]. Безусловно, что проведение параллелей между далеко отстоящими друг от друга как в географическом, так и в социокультурном плане историческими общностями далеко не всегда могут быть оправданными и корректными. В то же время следует признать, что осторожная рецепция отдельных элементов для сравнительно-исторического анализа может стать весьма полезной.

Далее в своей работе Фроянов отмечает, что «и раздачи богатств, и пиры в архаичных обществах постепенно менялись соответственно социальным сдвигам, происходящим в недрах этих обществ. Вот почему, выясняя конкретные черты пиров и дарений, мы получаем возможность судить в известной мере об уровне общества в целом. Древняя Русь не представляет здесь никаких исключений» [11, с. 140]. Далее, характеризуя пиры, организованные Владимиром Святославичем, автор выделяет две линии в интерпретации мотивов щедрости

киевского князя [11, с. 141]. Одна — щедрость, адресованная дружине, вторая линия — щедрость, адресованная народу. Естественно, что нас интересуют мотивы первой. Характеризуя княжескую щедрость, Фроянов пишет, что «это — прекрасно осознанное средство сплочения дружинных элементов и поддержания княжеского авторитета в дружинной среде. Подобная политика вытекала не из особых и неповторимых личных свойств Владимира, ее диктовала сама историческая обстановка, в которой устои родо-племенного строя были еще не расшатаны» [11, с. 141]. Далее автор сосредотачивается на характеристике княжеских милостыней для народа. Это не удивительно, принимая во внимание тот факт, что Фроянов ставит князя и дружину, по сути, в подчиненное положение относительно народного веча.

Таким образом, видна определенная преемственность во взглядах на проблему дружинной верности между представителями российской дореволюционной исторической школы и советской. Что касается более поздних работ Фроянова, то в них обозначенная выше концепция практически не претерпевает изменений, за тем лишь исключением, что дружинная организация оказывается окончательно поставлена в подчиненное положение относительно древнерусского веча. Так, в одной из своих последних на данный момент работ Фроянов пишет: «Князь в Древней Руси, будучи одним из важнейших звеньев волостной администрации, жил в главном городе. В ратных делах он опирался на дружину, верхний слой которой состоял из бояр. Бояре, служа князю, занимали в то же время важные посты в управлении городской общиной, получали в кормление младшие города и села. Однако основа военной мощи городской волости заключалась не в дружине, а в народном ополчении (“воях”), куда входили свободные граждане старшего города, пригородов и сельской местности. Свободное население было поголовно вооружено и в совокупности составляло “тысячу”, делившуюся на “сотни” — более мелкие военные подразделения и одновременно территориально-административные едини-

цы. Демократический характер военной организации в Древней Руси служил гарантией народоправства» [10, с. 130]. И там же он дает характеристику слоев древнерусского общества: «Абсолютное большинство населения составляли свободные люди, которые делились на знатных и рядовых. К знати относились князья и старейшины (старцы градские). Тяготела к знати и княжеская дружина, появление которой надо связывать со временем не ранее IX века. Возникнув в условиях родоплеменного строя, она поначалу не нарушала доклассовой социальной структуры. Дружинники были сподвижниками, товарищами и помощниками князей. Отсюда понятен и сам термин “дружина”, восходящий к слову “друг”, первоначальное значение которого — спутник, товарищ на войне. Очень скоро дружина настолько срослась с князем, что стала в некотором роде социальной предпосылкой его деятельности. Однако и князь, и дружина у восточных славян не были оторваны от рядовой массы населения и выполняли общественно полезные функции» [10, с. 55–56]. Таким образом, из концепции И. Я. Фроянова и его предшественников можно выделить следующие принципы дружинной верности: нравственная связь, «единение по хлебу» и специфические отношения, основанные на обмене дарами.

Дальнейшее развитие эти идеи получили в работах И. Н. Данилевского, который, как и Фроянов, использует наблюдения А. Я. Гуревича, сформированные на западноевропейском и скандинавском материале, и переносит их на русскую почву, сопоставляя с данными древнерусских источников. По его мнению, «связи, условно соотносимые с вассально-сюзеренными отношениями Западной Европы, существовали в более патриархальной форме личных отношений, связанных с централизованной эксплуатацией земель, находившихся в корпоративной собственности... здесь мы сталкиваемся с формированием корпорации профессиональных воинов, базировавшейся не столько на так называемом условном землевладении, сколько на личных связях князя-вождя и его воинов — связях почти незамет-

ных, но от того не менее прочных. В их основе лежала система дарений, одной из форм которой могут считаться совместные пиры князя и дружины» [1, с. 117–118]. Таким образом, по мнению Данилевского, «отношения между князем и дружиной строились на личных связях, закреплявшихся системой дарений и совместных пиров» [1, с. 142].

В работах А. Н. Полякова говорится о том, что в «центре хозяйственной системы Древней Руси был коллектив совладельцев земли (дружина), основанный на равноправных отношениях. Причем дружина могла состоять как из родных или двоюродных братьев, родственников иных степеней родства, так и побратимов или просто товарищей. Для свободного человека в Киевской Руси важнее всего было то, как развиваются его отношения внутри этого коллектива, как он воспринимается коллективом, какое место в нем занимает. Организация производства в Киевской Руси находилась в руках людей, объединенных целой системой переплетенных между собой родственных, товарищеских и соседских отношений» [4, с. 84].

Большой интерес в рамках настоящего историографического обзора может представлять работа А. А. Хлевова, посвященная особенностям развития скандинавского общества в преддверии так называемой «эпохи викингов». Помимо всего прочего, в этой книге производится комплексный анализ особенностей генезиса скандинавской дружинной организации. Возможность перенесения некоторых наблюдений на древнерусскую почву кажется нам вполне правомерной. В качестве обоснования подобных действий можно привести следующую цитату: «...Скандинавия для нас — своего рода увеличительное стекло, при аккуратном обращении позволяющее исследовать, в частности, дружинный быт и дружинную идеологию предшествующей поры с высокой степенью достоверности, “выпячивающее” тенденции, слабо различимые по ранним источникам.

Следует отметить, что в стадияльно близких обществах Европы, переживающих тот же этап развития — в рамках так называемой Балтийской цивилизации, среди финских и балтских

племен, на Руси, возможно, в Польше, — формировались сходные формы дружин. Причем скандинавские дружины были именно образцом для подражания — как наиболее эффективные в своем роде примеры» [12, с. 137].

Большую важность представляет характеристика автором принципов дружинной верности и механизмов объединения людей в дружине: «Таким образом, военная дружина представляет собой первооснову и первичную организационную структуру социально подвижной части общества Скандинавии догосударственной и протогосударственной эпохи, единый и самодовлеющий организм с достаточно устойчивой и слабо стратифицированной (что повышало его устойчивость) внутренней структурой и обновляющимся составом. ... Представляется продуктивной оценка дружины с точки зрения критериев социальной психологии. Она выступает как классический образец так называемой малой группы. Количественный состав мог очень существенно варьироваться» [12, с. 136]. «Этот микросоциум был пронизан многочисленными связями межличностного порядка (позднейшие фелаги) и подчиненности конунгу; возникали линии, скрепляющие его не только по вертикали, но и по горизонтали. Создавалась структура маргинальной группы по типу современной криминальной группы. Сходство усиливалось явным или скрытым противостоянием всех вместе основному населению. Маргинализировалось и самосознание. В пользу этого свидетельствует и весьма убедительная, на наш взгляд, этимология слова “викинг”, выводимая из глагола “vkija” — “поворачивать, отклоняться”. Само “рекрутирование” осуществлялось в силу притягательности образа дружинника как такового (дружина, с точки зрения критериев социальной психологии, — тип референтной группы — группы, в которой престижно состоять). < ... > Распространение в дружинной среде культов Одина и особенно Тора; восторженный пафос и само содержание скальдической поэзии, воспевающей культ битвы как таковой; специфичность воздаяния в мире ином в форме весьма своеобразного роскошно-казарменного блаженства в Вальхалле, недоступно-

го невоинам, — все это демонстрирует сложение определенного, во многом тупикового, ответвления норм родовой морали в форме дружинной идеологии» [12, с. 136–137].

Что касается генезиса дружинной организации, то Хлевов пишет: «Идеологическим катализатором данного процесса были особенности воинской психологии, архетип которой, насколько можно судить, не претерпевает принципиальных изменений с течением тысячелетий» [12, с. 137]. «Таким образом, основной и главной движущей силой грядущих грабительских, завоевательных и отчасти торговых походов скандинавов стала дружина викингов... чрезвычайно эффективная форма воинского добровольческого профессионального объединения, бытующая в двух основных вариантах: 1) частично оторванный от традиционной родовой структуры отряд под руководством конунга и 2) полностью маргинализованный воинский коллектив» [12, с. 139].

Исходя из приведенной концепции скандинавской дружины, чьи параллели с древнерусской достаточно убедительно обосновываются автором, представляется крайне перспективным привлечение историко-психологических методик, проведение глубокого комплексного анализа военной психологии и морали (вполне обоснованными могут быть и аналогии с более поздними воинскими поведенческо-психологическими архетипами), пересмотр наших представлений о социальных связях и религиозных представлениях, характерных для раннесредневекового общества, а также выработка критериев оценки логики поступков людей, составлявших дружинную организацию на основе имеющихся исторических источников.

Что касается религиозного компонента дружинной идеологии в более поздний, уже христианский период, то здесь можно выделить работу П. С. Стефановича, посвященную принципам «вертикальной» верности между князем и дружинниками. Автор выделяет следующий критерий: «Идея крестной силы была актуальна на Руси в течение всего средневековья, но сочетание ее с идеей “братней любви” было характерно именно для домонгольской эпохи. Эти идеи были тем теоретическим ос-

нованием, на котором с христианизацией стали строиться взаимоотношения князя и знати» [9, с. 16]. Вообще, следует отметить, что перу Стефановича принадлежит целый комплекс работ, посвященных различным аспектам взаимоотношений дружинной знати как между собой, так и с князем и церковной организацией [5]. Автор также проводит исследование дружинной верности в период XII–XIII вв. [8], критически анализирует вопрос, связанный с принесением дружинниками клятвы верности своему вождю у древних германцев и на Руси [7]. Характерно, что, подводя итог обзору работ, посвященных германской и древнерусской дружине, Стефанович пишет: «Пожалуй, самым сложным в этой проблематике является вопрос о принципах объединения людей в дружине. Долгое время в науке не было особых сомнений по этому поводу: фундаментом объединения признавалась идея верности. Однако, когда стали подвергать критическому разбору представление о специфически германской верности, выяснилось, что этот принцип вообще, чем глубже в древность, тем слабее прослеживается. В частности, специальные исследования показали, например, что один и тот же идеал верности, даже если как будто прослеживается его “континуитет”, мог очень по-разному преломляться и осмысляться в античной литературе, в англосаксонской или скандинавской и служить разным политико-пропагандистским целям, но что в то же время возможны были также и “перекрестные” заимствования и в конечном итоге этот идеал в чистом виде нигде и никогда вообще, видимо, не существовал. <...> Если, например, интерпретация дружины как “мужского союза” наталкивается скорее на критическое отношение историков, показывающих ее несо-

ответствие конкретно-историческому материалу, то в последнее время все больше внимания в историографии обращается на роль дара не просто как вознаграждения и даже не способ установления социальной связи, но как “одушевленной” вещи, несущей определенный “заряд” человеческой личности, во владении которой она находилась.

В настоящее время в вопросе о принципах дружинного объединения очень много неясного, и перед исследователем, в том числе и древнерусских источников, здесь открываются самые широкие перспективы» [6, с. 227].

В целом следует согласиться с автором приведенной цитаты и добавить лишь то, что исторические исследования роли дара в дружинной среде появились уже достаточно давно и, как отмечалось выше, были и остаются весьма перспективными.

Таким образом, в качестве факторов, определяющих дружинную верность, в отечественной историографии выступают: нравственные связи и «единение по хлебу»; система дарений – как регулирующий механизм; особенности воинской психологии в сочетании с религиозными представлениями; идея крестной силы и «братней любви».

Отсюда, мы видим, что наиболее перспективными можно считать следующие направления: исследования принципов дружинной верности в языческую эпоху на основе имеющихся источников, изучение данного феномена в динамике развития, его изменения в результате процесса христианизации; более глубокое изучение древнерусской дружины с точки зрения воинской психологии, выявление логики взаимоотношений членов этой организации; реконструкция культурного кода древнерусской дружины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII в.). М.: Аспект Пресс, 1998. 399 с.
2. Долгая дорога к гуманитарному полюсу: Интервью с И. Н. Данилевским // Родина. 2008. № 4.
3. Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М.: Наука, 1988. 696 с.
4. Поляков А. Н. Древнерусская цивилизация: основные черты социального строя // Вопросы истории. 2006. № 9.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

5. *Стефанович П. С.* Боярство и церковь в домонгольской Руси // Вопросы истории. 2002. № 7.
6. *Стефанович П. С.* Германская дружина и попытки сравнения ее со славянской дружиной. Историко-графический обзор // Rossica Antiqua: Исследования и материалы. 2006 / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 413 с.
7. *Стефанович П. С.* Дружинный строй в Древней Руси и у древних германцев: существовала ли клятва верности вождю (правителю) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32).
8. *Стефанович П. С.* Понятие верности в отношениях князя и дружины на Руси в XII–XIII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31).
9. *Стефанович П. С.* Религиозно-этические аспекты отношений знати и князя на Руси в X–XII веках // Отечественная история. 2004. № 1.
10. *Фроянов И. Я.* Загадка крещения Руси. М.: Алгоритм, 2007. 336 с.
11. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1980. 256 с.
12. *Хлевов А. А.* Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. СПб.: Евразия, 2003. 336 с.